

Контурсы мира и вообще структура международных или мировых отношений зависят от метода анализа, выбранного исследователем. Очевидно, что мировидение, основанное на классово-идеологическом подходе, будет отличаться от представлений на мир, если использовать, скажем, цивилизационные или техногенные подходы. Другими словами, геостратегический и геоэкономический подходы, которые я намерен использовать в данной главе, являются одной из разновидностей структурного метода, т.е. всего лишь одним из многих методов анализа международных отношений. Значит и они не покрывают всю гамму, весь спектр международных реальностей. В то же время вскрытые мной на основе данных подходов три закона международных отношений позволяют надеяться на возможность более точного прогнозирования структуры мировых отношений по крайней мере вглубь на 50 лет и чуть далее.

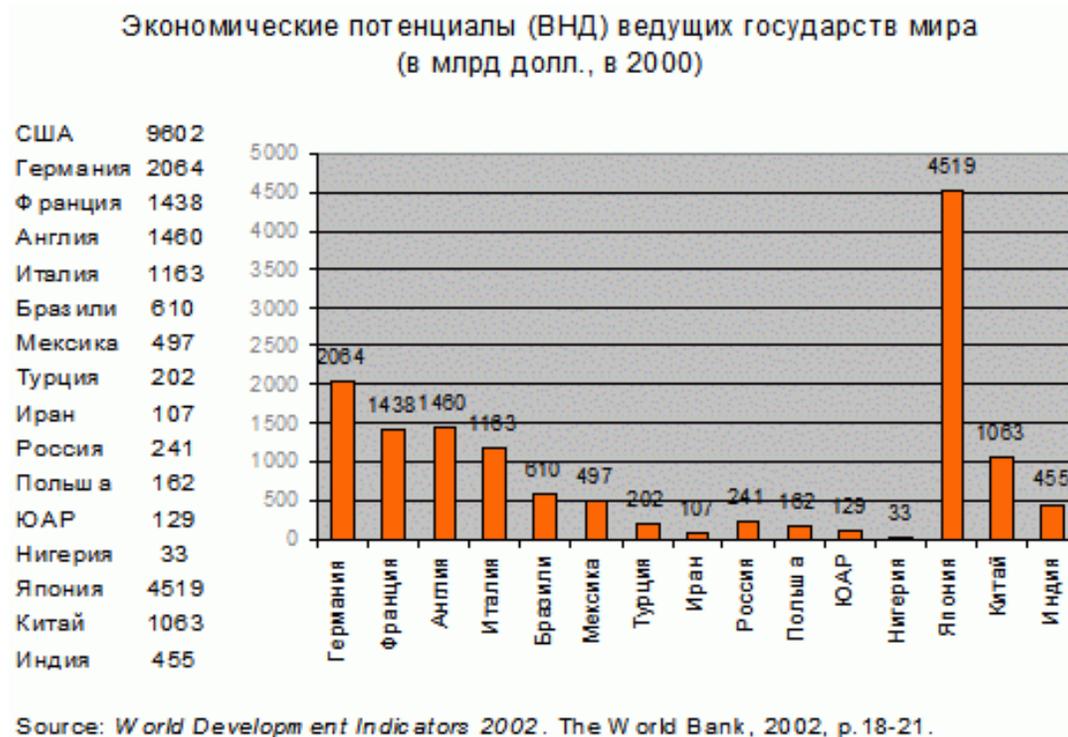
Геоэкономическая структура мира

Геоэкономическая структура мира определяется экономическими весами государств, отражающими их экономический потенциал, который принято на агрегативном уровне оценивать через индикатор ВНП/ВВП/ВНД.

Сравнительный анализ этих потенциалов позволяет выявить экономическую мощь государства, которая может оцениваться в качестве полюса. Сформулированный мной закон “полюса” гласит: в геоэкономическом пространстве глобальный или региональный полюс означает определение субъекта, отличающегося от других субъектов превосходством своей экономической мощи над экономическим потенциалом вслед идущего государства, как минимум, в 2 раза. Отсюда следует, что экономический потенциал не является синонимом мощи. Именно явление мощи порождает явление полюса.

Расчеты на 2000 г. показывают, что в Латинской Америке нет региональных полюсов, поскольку Бразилия с ВНД в 610 млрд долл. не намного опережает вслед идущую за ней Мексику (497 млрд долл.). В Африке полюсом является ЮАР (ВНД — 129 млрд долл.); за ней идет Нигерия (33 млрд долл.). На Ближнем и Среднем Востоке таким полюсом можно считать Турцию (202 млрд долл.); за ней Иран (107 млрд долл.). В Восточной Азии — это Япония (около 4,5 трлн долл.), за ней КНР (около 1 трлн долл.). В Восточной Европе, подобно Латинской Америке, нет полюсов, т.к. Россия с ее незначительным ВНД (333 млрд долл.) не столь существенно опережает следующую за ней Польшу (153 млрд долл.). Аналогичная ситуация существует в Западной Европе: там полюсов также нет, поскольку Германия с ВНД в 2,1 трлн долл.

недостаточно опережает экономический потенциал вслед идущей за ней Англией, ВНД которой 1,5 трлн долл.

Примечание: валовый внутренний доход (ВНД) – индикатор, близкий к ВВП или ВВП, который начал использоваться Всемирным банком с 2002 г. В целях компактности США на графике не обозначены.

Мировым или глобальным полюсом являются США с ВНД около 10 трлн долл., в два раза опережающим идущую вслед за ними Японию. (Отмечу, что пропорции практически не меняются и при перерасчете ВНД по ППС, за исключением Китая. Кроме того, ППС в основном имеет отношение к сравнениям внутриэкономической ситуации стран, а не к международным отношениям).

Сказанное означает, что почти в каждом регионе есть свой “полюс”. Но на глобальном уровне существует в настоящее время только один полюс, и им являются США.

Что же касается России, то хотя, ее экономический потенциал в лучшем случае позволяет формировать “полюс” в рамках СНГ (у вслед идущей за ней Украины ВНД

составляет около 35 млрд долл.). В целом же ее экономический потенциал (ВНД), по которому она в 2000 г. занимала 19-е место в мире, а по ВНД на душу населения — 114-е (а если через ППС — 79-е место), не только не “тянет” на глобальность, но даже и на региональность. Ее место в локальном пространстве СНГ.

Геостратегическая структура международных отношений

Геостратегическая структура международных отношений определяется не через полюсы, а через категорию “центра силы”.

Центр силы – это субъект, имеющий возможность подчинить деятельность других субъектов или акторов международных отношений в соответствии с собственными национальными интересами. В зависимости от сферы распространения такого контроля центр силы может быть локальным, региональным или глобальным.

Гегемония — это сила, направленная на подчинение всех акторов международной политики на реализацию интересов гегемона.

Разница между полюсом и центром заключается в том, что первый субъект-полюс не обязательно действует в системе международных отношений. Например, Япония Токугавского периода (период самоизоляции) по экономическим параметрам соответствовала экономической массе великих держав Европы, но не была центром силы, поскольку фактически не проводила внешней политики, т.е. она не была субъектом международных отношений. То же самое относится и к Китаю до начала XIX века, который превосходил по экономической массе любую страну Европы, но практически не вел активной внешней политики, т.е. не навязывал свой контроль в системе международных отношений. Другими словами, полюс превращается в центр силы при условии проведения активной и агрессивной внешней политики, нацеленной на подчинение других акторов своим внешним и внутренним интересам. Исходя из подобных рассуждений, можно сформулировать закон “центра силы”.

Превращение субъекта-полюса в центр силы предполагает наличие внешнеполитического потенциала (ВПП), объем которого должен превосходить внешнеполитический потенциал субъекта конкурента, как минимум, в 2 раза на региональном уровне и в 4 раза на глобальном. Это соотношение и определяет закон “центра силы”.

Сам по себе ВПП формируется через суммарный ресурс, затрачиваемый на внешнюю политику. Этот ресурс складывается из финансовых потоков, закладываемых в бюджет страны, и реализуется через аппарат внешней политики

(АВП). Хотя нередко трудно четко определить, что относится к внешней, а что к внутренней политике, тем не менее существуют некоторые институты, которые однозначно встроены во внешнеполитический процесс. Это — министерства иностранных дел, министерства обороны, информационно-пропагандистские службы, пограничная охрана, внешнеэкономические организации, службы внешней безопасности или разведки и т.д. Проблема в том, что в национальных бюджетах внешнеполитические расходы не всегда прописываются через государственные институты. Чаще всего они зафиксированы в строках по направлению деятельности: “Международная деятельность”, “Национальная оборона”, “Содействие международному экономическому развитию”. И хотя все составляющие ВПП центра силы работают на реализацию всех аспектов национальных интересов, однако объемы ресурсов на каждом из основных направлений внешней политики будут определять тип “центра силы”: экономический, политический или военно-стратегический. Например, в 1997 г. Япония по строке “Содействие международному экономическому сотрудничеству” (в нее входит и официальная помощь развитию — ОПР) затратила около 29,5 млрд долл., что составило 0,7% ее ВВП. Великобритания и Германия в том же году израсходовали по аналогичной строке 19,6 и 19,7 млрд долл. соответственно (1,5 и 0,95% их ВВП). Очевидно, что 10-миллиардная разница дает преимущество Японии на мировой экономической арене, придавая японскому полюсу черты экономического “центра силы”.

Обычно львиная доля внешнеполитического потенциала падает на строку “Национальная оборона”. Эта строка определяет военный потенциал той или иной страны, который теоретически может быть использован в случае нападения. Поскольку в нынешних исторических условиях прямое нападение между ядерными державами практически исключено, в реальности этот потенциал определяет функцию сдерживания, с одной стороны, с другой — оказывает влияние на типы и формы поведения государства на мировой арене. Вместе с тем неядерные компоненты военного потенциала могут использоваться в отношении неядерных держав при защите “национальных интересов”.

В системе международных отношений наиболее активно используется финансирование по строке “Международная деятельность”. Именно эта “динамичная” строка определяет охват и глубину деятельности той или иной страны на международной арене.

Причем если экономический потенциал превращается в мощь-полюс при превосходстве не менее чем в два раза, то ВПП превращает полюс в глобальный центр силы при превосходстве, повторюсь, как минимум, в 4 раза. Это связано с тем,

что такой потенциал должен охватить основные 4 региона в мире: Европу, Восточную Азию, Латинскую Америку и Африку с Ближним и Средним Востоком.

Расчеты показывают, что в Западной Европе отсутствует центр силы, поскольку совокупный внешнеполитический потенциал каждой из основных держав этого субрегиона (Германия, Великобритания, Франция и Италия) варьируется между 40 и 50 млрд долл. У Японии ВПП превосходит сумму в 50 млрд долл., что позволяет оценивать эту страну как региональный центр силы (у Китая, если исходить из официальной статистики, этот потенциал приблизительно равен 10-12 млрд долл.).

У США ВПП на 1999 ф. г. (без учета финансирования строки “Международное экономическое сотрудничество”) был равен приблизительно 300 млрд долл., т.е. превосходил идущую за ними Японию почти в 5 раз. Следовательно, на глобальном уровне сегодня мы имеем один центр силы, и им являются США.

Япония является центром экономической силы в Восточной Азии. Склонно оценить КНР как центр военной силы в этом же регионе не обоснован, поскольку его потенциал нейтрализуется все теми же США. В Западной Европе не существует никаких центров силы из-за приблизительно равного соотношения внешнеполитических потенциалов основных государств. О России, естественно, в этом контексте вообще не может быть и речи.

Теория трех миров и их характеристики

Итак, фиксируем еще раз. Центр силы — это категория политическая или геостратегическая, что одно и то же. То есть она является собой надстройку структуры международных отношений. Полюс — понятие экономическое, следовательно, оно отражает собой некоторые базисные явления в структуре международных отношений. И в том, и в другом случае они формируют всего лишь структуру международных отношений, а не содержание. Содержание же этих структур определяется целями международных акторов, будь то государства, международные организации, ТНК или МНК, неправительственные организации, блоки или альянсы государств. В упрощенном виде на системном уровне эти цели, а в конечном счете и все содержание международных отношений определяется двумя системными потоками: 1) борьбой за силу (межгосударственный уровень), 2) борьбой за мировые рынки (государства плюс ТНК, МНК). Оба потока порождены неравномерным экономическим развитием государств[1].

Для удобства анализа упростим также разобранные ранее категории интернационализации, интеграции и глобализации. Мотивом интернационализации

является доступ к рынкам торговли и приложения капиталов; сутью интеграции является формирование тесно переплетенных экономических анклавов, т.е. соединение всех циклов экономической деятельности в единое целое; глобализация – распространение финансово-инвестиционной и информационной деятельности на весь мир в стремлении взять его под контроль.

Далее мне придется сделать еще одно упрощение: поделить мир на три группы стран на основе уровня их экономического развития. Для всех международных это – привычные три мира (но не полюса).

Первый мир (развитые страны) – “золотой миллиард”, состоящий из трех зон: Северная Америка, Западная Европа и Япония с устоявшимися формами капиталистической экономики и демократии.

Второй мир (среднеразвитые страны) – страны СНГ, Восточной Европы, Балтии, Китая и Индии. Их специфика – политика реформ, т.е. отказ от предыдущих моделей социализма или госкапитализма и попытки перехода на новые модели, близкие к западным моделям капитализма.

Третий мир (развивающиеся страны) традиционно состоит из стран Африки, Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока, Восточной Азии (за исключением Южной Кореи, Тайваня и КНР) и Южной Азии (за исключением Индии). Всех их объединяет не только низкий уровень социально-экономического развития, но и то, что они почти все являются странами-объектами, а не субъектами мировой политики.

Хочу еще раз подчеркнуть: три мира – это не полюсы и не центры силы. Это условное деление мира по уровню экономического развития. Совпадение происходит только с Первым миром, который одновременно является и центром силы и единственным экономическим полюсом.

Теперь дадим характеристики каждому из трех миров.

Первый мир работает во всех трех экономических пространствах, хотя и с разной степенью интенсивности. У каждого из трех субрегионов внутри Первого мира существуют свои интеграционные зоны: в Западной Европе – Европейское сообщество, в Северной Америке – НАФТА, в Восточной Азии – институционно не оформленная подсистема Япония–США–СВА–ЮВА (страны АСЕАН). В первом случае как развитая интеграция, во втором — начинающийся процесс, в третьем — как тенденция. Весьма активно все три субрегиона вовлечены в интернационализацию. На поле же глобализации единоличным лидером являются США. Для того же, чтобы добиться подлинного глобального лидерства, США необходимо “вскрыть” региональную интеграцию, сделать ее “открытой”, т.е. соединить региональную интеграцию с глобализацией, иными словами, “на выходе” получить “глобальную

интеграцию”. В результате геоэкономическое лидерство США превратится в глобальное лидерство. Поэтому именно США заинтересованы в мировой глобализации, т.е. в подчинении не только Второго и Третьего миров, но и Первого мира. Именно поэтому одной из форм сопротивления со стороны европейских государств является локализация, предусматривающая вовлечение в локальное экономическое пространство компаний или инвестиций из любой страны (хотя объективно, как уже говорилось, локализация работает на глобализацию).

В целом же с точки зрения экономической сущности Первый мир представляет интеграционный или тяготеющий к интеграции экономической анклав. Как центр силы он противник формирования других центров силы и, таким образом, их неизбежный антагонист.

Первый мир является самым мощным в экономическом, политическом и военном отношениях, и он доминирует над остальными двумя мирами. В силу этого систему международных отношений можно рассматривать как однополярный мир с единым центром силы, каковым являются США.

Второй мир не является интегрированным, действует в поле интернационализации и является объектом глобализации. В то же время среди стран этого мира существуют некоторые попытки интегрироваться, например в рамках СНГ вокруг России и в Юго-Восточной Азии вокруг Китая. На поле интернационализации Второй мир также является объектом, а не субъектом, за исключением Китая, Южной Кореи и Тайваня, внешнеэкономическая деятельность которых начинает ощущаться на рынках других стран, в том числе и в зоне “золотого миллиарда”.

Среди стран Второго мира есть два претендента (то, что по-английски обозначается словом challenger) на статус великой державы – Россия и Китай[2]. На это указывает их официальная стратегия формирования “многополярного мира”, т.е. намерение сломать существующую структуру международных отношений.

Второй мир во всех отношениях значительно слабее Первого мира и испытывает к нему синдром любви и ненависти. С одной стороны, стремится к экономическому сотрудничеству, с другой – отстаивает свою независимость и самостоятельность. Внутри этого мира нет бесспорных полюсов, хотя наибольшие шансы для этого есть у Китая. Второй мир менее целостен и менее взаимосвязан с экономической точки зрения. У него нет единой политики, нет союзнических отношений. Он текуч, в результате чего одна его часть может примкнуть к Первому миру, другая – к Третьему. В любом случае в настоящее время Второй мир нельзя рассматривать как полюс. Это — просто географическая зона.

В Третьем мире нет интеграционных полей, если не считать в качестве таковых попытки стран Латинской Америки к более тесному и согласованному

взаимодействию внутри экономических пространств Карибского бассейна. Он функционирует в поле интернационализации в качестве объекта, одновременно являясь объектом глобализации, хотя и в меньшей степени, чем страны ЮВА, из-за отсутствия соответствующей инфраструктуры.

Объективно он заинтересован в многополярности, но в еще большей степени в биполярности, поскольку последняя структура предоставляет ему больше возможностей играть на противоречиях между “полюсами” в пользу своих интересов. В настоящее время Третий мир — это конгломерат государств, по своему социально-политическому строю находящийся на уровне феодальной стадии развития с элементами капитализма (Африка), на феодально-капиталистическом (ЮВА) или на криминально-капиталистическом уровне (страны Латинской Америки).

Все, что было сказано выше, — это статика. Теперь перейдем к динамике.

Фазы развития структуры международных отношений

Поскольку в своих работах я часто выступаю против концепции многополярности и отстаиваю концепцию биполярности, подчеркивая при этом, что нынешний мир однополярен, меня часто обвиняют в том, что я противник России и отъявленный протагонист США. Другие же, наоборот, с одобрением отзываются на то, что я все равно склоняюсь к биполярности. Эти личные мотивы я привожу только для того, чтобы подчеркнуть: утверждение или формирование той или иной структуры международных отношений определяется объективными процессами системного характера, а не или не только индивидуальными усилиями той или иной державы или даже группы стран. Скажем, нынешнее лидерство США, развал СССР или возвышение Китая невозможно объяснить громадной военно-экономической мощью США, некомпетентностью советского руководства или мудростью китайских вождей. Все это имеет место быть, но в рамках сочетания множества системных тенденций в мировых отношениях, каждая из которых обладает своими закономерностями и которые во взаимодействии определяют генеральную линию движения всей системы. Поэтому я не могу быть сторонником той или иной концепции полярности. Моя задача заключается в том, чтобы научно обосновать существующую структуру международных отношений и попытаться дать прогноз последующим структурам.

Переходим к анализу динамики движения структур международных отношений.

Циклическая закономерность заключается в следующем: обычно (хотя бывают и исключения) однополярная структура переходит в многополярную, последняя в свою очередь порождает биполярную, которая вновь переходит в однополярность и т.д.

В начале XIX века, если ограничиваться международными отношениями в рамках Европы, однополярная система (доминирование Франции) после Венского конгресса (1815 г.) сменилась многополярной (концерт держав), которая к концу века превратилась в биполярную (сформировалось два блока: Антанта и германско-австрийский блок). В XX веке после Первой мировой войны однополярность (США: 1918-1936 гг.) сменилась многополярностью (США/Англия – Германия/Италия/Япония – СССР: 1937–1941 гг.), которая после Второй мировой войны превратилась в биполярность (советский и западный блоки: 1950–1989 гг.). Поражение советского блока привело вновь к однополярному миру (США: с 1990 г.). Следуя этой логике, в XXI веке нынешний однополярный мир сменится многополярностью, которая затем трансформируется в биполярность, которая в свою очередь вновь перейдет в однополярность. Графически это будет выглядеть следующим образом:

Динамика смены структуры международных отношений

XIX век Европа	однополярность 1800—1815 гг.	многополярность 1816—1890 гг.	биполярность 1890—1914 гг.
XX век мир	однополярность 1918—1936 гг.	многополярность 1937—1941 гг.	биполярность 1950—1989 гг.
XXI век мир	однополярность 1990—2025 гг.	многополярность 2026 —2050 гг.	биполярность 2051г. + 40-50 лет
XXII век мир	однополярность		

Хотя длительность жизнедеятельности каждой структуры не имеет четко фиксированного времени, но для нас важна закономерность и последовательность смены структур. Надо также иметь в виду, что смена структур внутри каждого периода в каждом конкретном случае наполняется и будет наполняться различным содержанием (например, по характеру причин изменения, по характеру политик и т.д.). Теперь, исходя из логики моего подхода, выстроим другую табличку для наглядности:

Надстройка:	один центр силы	→	множество центров силы	→	два центра силы
	↓		↓		↓
Базис:	однополярность	→	многополярность	→	биполярность

Следуя вышеприведенной схеме, разберемся в нынешней ситуации. Как уже говорилось, в настоящее время в мире в базисной основе существует однополярность и ему соответствует надстройка в виде одного центра силы. Это — Первый мир, или группа стран “золотого миллиарда” во главе с США. Но США не просто возглавляют этот мир, они еще являются мировым гегемоном как в базисе, так и в надстройке. Именно США задают тон международным отношениям в качестве центра силы. Но в этой связи возникает любопытная тема, даже две: 1) являются ли США гегемоном или просто мировым лидером; 2) а если США гегемон – плохо это или хорошо для мирового порядка и международной стабильности.

Гегемон-лидер. На такого типа вопросы русские отвечают просто: хоть горшком назови, только в печку не ставь. В отличие от русских западные ученые вокруг этих тем ведут столь же бойкую дискуссию, как и в отношении других понятий и категорий. Это естественно, поскольку явление существует только тогда, когда оно названо (в соответствии с учением Людвиг Витгенштейна). Если я назвал кого-то горшком, я имею полное право поставить этот “горшок” в печку в соответствии с их системной взаимосвязанностью. Если США — гегемон, то такое название определяет один тип политики и отношений к нему, если же США — просто лидер, то это совершенно иной тип и политики, и отношений. Именно поэтому американские политические социологи придают такое большое значение словам, которые приобретают у них характер понятий и категорий.

Быть мировым лидером еще не значит быть мировым гегемоном, считает Терри Босвел. Лидер, – уточняет он, – это экономическое доминирование, а гегемон – военно-политическое[3]. Другими словами, лидерство вытекает из экономического превосходства, но его действия могут определяться мотивами экономического сотрудничества вплоть до того, что интересы лидера будут совпадать с интересами других акторов или интересами мирового сообщества. Именно такую политику и проводят США, создавая в координации с другими государствами, прежде всего странами Первого мира, “общественные блага”.

Если мы раскроем термин “общественные блага”, то мы обнаружим следующее содержание. Со ссылкой на внедрившего этот термин Чарльза Киндлебергера (в 1981 г.) германские ученые К. Хаускен и Т. Плюмпер так определяют это словосочетание: общественные блага (the public goods, die offentlichen Guter) являются “такого типа благами, которые невозможно исключить из потребления, а потребление одним актором не истощает его полезность для других акторов”. В международных экономических отношениях такими общественными благами являются открытые торговые системы, хорошо определенные права собственности, единицы измерения

общих стандартов, включая международные деньги, последовательная макроэкономическая политика, адекватные действия в случае экономических кризисов, стабильность обменных курсов, а также либеральный международный экономический порядок[4].

Ясно, что все эти “блага” определены интересами Первого мира и могут не отвечать интересам Второго и Третьего миров.

Но даже если признать, что США не лидер, а гегемон, то и в этом случае ответы могут не совпадать по содержанию.

Гегемон обычно вызывает негативные ассоциации, связанные с политикой давления, навязывания своей воли и т.д. (см. мое определение гегемона выше). Это как бы минусы. Но есть и плюсы, так сказать, вытекающие из объективного характера функционирования гегемона. Босвел так описывает это явление: “Поскольку мировой лидер возникает из недр глобальной войны с превосходящей военной и экономической мощью, конструируется и новый мировой порядок. Создавая его, лидер перекраивает схемы обмена и безопасности в свою пользу, устанавливая потенциальные требования для гегемона. Военные возможности гегемона, таким образом, являются критическим детерминантом его мощи такого масштаба, который был бы достаточен для защиты глобальных торговых коммуникаций, описанных Модельски и Томпсоном. Однако это обоюдоострый меч. Чрезмерная военная мощь является главным источником экономического падения”.

И во всем этом нет ничего плохого, поскольку, как считает все тот же Босвел, “мировой лидер становится гегемонистским, когда институционный порядок создает инерцию, без которой иначе произошло бы хаотичное движение системы. Гегемония же есть период относительного мира и порядка в системе, которая по своей сути соревновательна, динамична и неравноправна”. Точно такую же характеристику гегемонии дает Дж. Модельски: “Порядок в мировой политике обычно создается единственной доминирующей державой” и “удержание порядка требует длительной гегемонии”. Порядок в этом контексте означает “мир и либеральную экономику”[5].

С точки зрения Запада в сказанном есть рациональный смысл. Гегемон, в нашем случае США, заинтересован в стабильности, сохранении геостратегического статус-кво, поскольку такая стабильность отвечает интересам не только Первого мира, но и правящим кругам всего остального мира, т.к. позволяет им, опираясь на США, контролировать внутривнутриполитическую ситуацию в странах. Не случайно российская политико-экономическая элита крайне заинтересована в тесном сотрудничестве с США, несмотря даже на то, что многие действия Вашингтона противоречат стратегическим интересам России.

Вместе с тем статус гегемона действительно обоюдоострый меч не только в том смысле, как обосновал этот риск Босвел. Его обратной стороной является неизбежное противодействие гегемонии, поскольку она структурирует и концентрирует борьбу всех остальных сил против себя, т.е. гегемонии США. Если предположить наличие нескольких центров силы с претензией на гегемонию, это вело бы к распылению сил тех государств, которые затеяли бы борьбу с ними. С одним гегемоном бороться значительно проще. Следовательно, гегемония объективно вскармливает множество врагов против себя. И США не избежать этой борьбы.

От однополярности Первого мира к Мировому сообществу

Исходя из предложенной схемы, переход однополярности к многополярности, от одного центра силы к множеству центров силы неизбежен. Какие причины и факторы будут ломать нынешнюю систему?

На международной арене главной проблемой единоличного лидерства США является Китай, который по мере наращивания своей экономической массы будет способен формировать интеграционную зону в Восточной Азии, одновременно внедряясь на экономические территории стран Третьего и Второго мира, а затем и Первого мира. Причем этот процесс уже начался, о чем свидетельствует активность государственных компаний КНР на территории США и некоторых стран Европы (Франция). В сочетании с геостратегическим усилением Китая (увеличение и совершенствование военного потенциала + расширение политического влияния) внешнеэкономическая деятельность этой страны будет ломать однополярный мир, стимулируя становление поначалу многополярного, а затем и биполярного мира, который, по некоторым оценкам специалистов, может сформироваться к середине XXI века. Развитию этой темы посвящен специальный раздел, следующий за данной главой.

Другим претендентом на слом нынешней системы, как уже многократно говорилось, является Россия. Об этой стране речь пойдет в последующих главах. Здесь же я хотел бы обратить внимание на один из факторов крушения однополярной структуры, который обычно не попадает в поле внимания русских ученых, но тщательно изучается в США. Это тема связана с пролетаризацией периферии, т.е. Третьего мира, формированием рабочего движения, заинтересованного в демократизации международных отношений, а не в гегемонии одной страны или группы стран.

Известно, что в период деколонизации страны Третьего мира добились политической независимости, превратившись в нацию-государство. Экономически же они продолжают оставаться в зависимости от бывших метрополий, а ныне от всех стран Первого мира. Но в течение последних 10—15 лет начал обнаруживаться один любопытный процесс. Софтизация, сервизация и информатизация экономик развитых стран привели и продолжают вести к индустриализации экономик стран Третьего мира (т.е. происходит перенос-сброс тяжелой, металло-трудо-энергоемкой промышленности). Соответственно, это ведет к увеличению рабочего класса этих стран. По терминологии Босвела, эти государства, ранее проводившие политику государства-нации, стали активнее проводить политику государства—класса. Иначе говоря, классические классовые противоречия внутри капиталистических государств, в свое время вскрытые Марксом и Лениным, преобразуются в межгосударственно-классовые противоречия, пронизывающие отношения между Первым и Третьим мирами. И что особенно любопытно, в исследованиях американских социальных политологов утверждается, что “рабочий класс становится центральным актором в демократизации всего мира (вопреки оценкам ранних исследований, которые приписывали демократию буржуазии, считая “демократичными” те республики, которые оставляли большое количество населения без избирательных прав)” [6].

Следовательно, борьба рабочего класса в странах Третьего мира в сочетании с антиглобалистским движением, принимающим всемирный характер, является одним из важнейших факторов, стимулирующих распад однополярного мира.

К другим факторам можно отнести внутривнутриполитические проблемы самого Первого мира (экономические, этнические, классовые /например, формирование анклавов Третьего мира внутри государств Первого мира/), в том числе такое феноменальное явление, как рост коммунистического движения в этих странах[7]. Последнее означает, что социалистическое сознание охватывает все большие слои капиталистических обществ, оказывая влияние и на представителей правящих кругов. С международной точки зрения, помимо усиления стран — претендентов на новый статус в мире, огромное влияние будет оказывать процесс размывания сплоченности между тремя зонами внутри Первого мира, а также метания Токио между Китаем и США в выборе верной стратегической линии, адекватно отвечающей национальным интересам Японии.

Каждая из этих тем потребовала бы отдельного разговора, который и будет продолжен в последующих исследованиях. Здесь мне важно было только обозначить некоторые моменты, ведущие к видоизменению структуры международных отношений. Необходимо зафиксировать и такой важный момент.

История международных отношений свидетельствует о том, что многополярность является самой неустойчивой системой, в рамках которой происходит больше всего войн и конфликтов. Этот тезис можно было бы подтвердить историей Европы на протяжении десятка веков. На этот тезис работает и история середины XIX века. В этот период, пока центры силы (Англия, Франция, Германия и Россия) бились за колонии за пределами своих государств, они находили точки соприкосновения для сотрудничества в самой Европе (с Россией до Крымской войны). Но как только периферия была поделена на сферы влияния, все их внимание сконцентрировалось на Европе, в которой сохранялись недоделанные зоны влияния (проливы, Балканы, Саарская область, части Польши и Украины и т.д.). Вся система многополярности начала рушиться в пользу блоковой биполярности в преддверии грандиозной схватки.

Теоретически многополярная система может быть устойчивой при равных силовых возможностях центров. Но в соответствии с законом неравномерного развития государств практически такого идеального состояния быть не может. Обязательно кто-то вырывается вперед. И тут начинает работать закон силы, который гласит: как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного мощи и потенциалу ведущих государств мира, оно требует для себя нового статуса, означающего передел сфер мирового влияния[8]. Поскольку старые великие державы обычно противятся подобным требованиям, то приобретение такой сферы влияния обычно возможно только путем разрушения существующей структуры международных отношений, включая и соответствующую ей систему безопасности.

Необходимо подчеркнуть, что этот закон работает в системе капитализма. Он прерывает свое действие в системе мирового социализма. Но поскольку до мирового социализма нам пока далеко, то под его действие попадают и социалистические государства, хотя, как говорится, не по своей воле. Все войны, которые вел Советский Союз, были навязаны ему капиталистическими государствами.

Следовательно, многополярная структура международных отношений с множеством центров сил является самой неустойчивой системой. Это — мир хаоса, борьбы всех против всех. Он приводит к учащению региональных конфликтов, включая и военные. С точки зрения международной стабильности это наихудший вариант структуры международной системы. Единственным успокоительным лекарством может служить надежда на то, что многополярный мир быстро (по историческим меркам) перейдет в биполярный с двумя центрами силы, предположительно США и Китая.

Отличительными особенностями противостояния между двумя центрами силы являются не столько различия в экономическом развитии (хотя они, безусловно, сохранятся, как это было и в период конфронтации капитализма-социализма во второй половине XX века), сколько геостратегические и геоэкономические противоречия, идеологически питаемые идеями социализма и капитализма, или, по-другому, равенства и неравенства.

На уровне полярности это будут два интеграционных экономических поля, связанных между собой интернационализацией, которая будет уступать позиции глобализации. Последняя в значительно большей степени, чем ныне, наполнится проблемами экологии, демографии, совместным освоением космических пространств и т.д. Все эти вещи будут объединять два блока.

Разъединять их будет геостратегия, т.е. борьба за страны (другими словами, за территории, богатые сырьем, минеральными ресурсами, за дешевую рабочую силу и т.д.), еще не вовлеченных в систему биполярности.

Здесь очень много можно говорить о соединяющих и разъединяющих мотивах и факторах, но важнее другое: каким образом будут разрешены противоречия между двумя блоками? Если следовать моей схеме, то неизбежный распад биполярности должен привести к однополярности. Действительно, так и произойдет. Другое дело, что однополярность, возникшая на совершенно ином историческом витке, станет мировой, т.е. один полюс покроет весь мир. Другими словами, его базис, как отмечалось еще в главе о глобализации, превратится в **глобальную интеграцию**, или, если по-другому, на земле возникнет единое всемирное хозяйство. Надстройку же можно обозначить как всемирные политические отношения, соответствующие термину "Мировое сообщество".

Совершенно естественно, что указанные явления возможны только в случае действительного уменьшения значения государств как мировых акторов. Я не думаю, что они окончательно сойдут с мировой арены, но свое классическое значение к концу XXI века они потеряют. Складывание единого мирового хозяйства с Мировым сообществом в надстройке неизбежно приведет к формированию мирового правительства, причем именно социалистического типа, о чем я упоминал в главе о глобализации. Поскольку только социально ориентированные правительства в состоянии справедливо перераспределять, управлять и контролировать мировую экономику. Т. Босвел, У. Уагар прогнозируют появление такого правительства к середине XXI века. Мне же представляется, что оно появится только после того, как осуществятся все циклы структурной полярности. Другими словами, мир еще раз должен будет убедиться, что без разрешения противоречий в области социальной справедливости, будь то на уровне государств или на уровне единичных обществ,

мировые проблемы решены быть не могут. Вроде бы это — очевидная истина. Но исторический опыт показывает: любые истины должны быть пережиты лично, каждой страной, каждой нацией и всем мировым сообществом. На это дается еще один век — XXI век.

* * *

Из вышесказанного я еще раз хочу зафиксировать несколько принципиальных положений:

Во-первых, в геоэкономических и геостратегических пространствах действуют определенные законы, в частности закон мощи или полюса, закон центра силы и закон силы, использование которых позволяет более точно определять не только место или роль государства в мире, но и возможные результаты его внешней политики.

Во-вторых, полюсы являются базисом, а центры силы — надстройкой в полярных теориях международных отношений.

В-третьих, полюсные структуры международных отношений не являются статичными. Они подвижны, и их движение происходит по схеме: однополярность → многополярность → биполярность. Точно так же меняются и соответствующие им надстройки (один центр силы, множество центров силы, два центра силы).

В-четвертых, в соответствии с диалектическими законами Гегеля, однополярность конца XXI века, завершив движение по спирали вверх, фактически будет означать один мир, развитие которого в дальнейшем будет происходить на основе других законов и других противоречий. Структурный подход, который я использовал в данной главе, потеряет свое значение.

Из книги: *“Двадцать первый век: мир без России”* (Москва: Альянс, 2001).

Олег Арин

[1] Я не вдаюсь здесь в более глубокие причины подобной борьбы — тема, которая дискутируется не один век. Из современной интерпретации можно коротко привести идею И. Уоллерстайна, который выводит ее из “бесконечной” аккумуляции капитала, которую капитализм сделал в качестве основного двигателя капиталистической мировой экономики. — См.: Wallerstein, Immanuel. *The Modern World-System and Evolution*. — *Journal of World-Systems Research*: Volume 1, Number 19, 1995.

[2] Некоторые международники в этой связи называют также и Индию. Ее я исключаю в качестве претендента на великодержавность по причине отсутствия “воли” стать таковым. Иначе говоря, стратегия данной страны не нацелена на приобретение статуса великой державы.

[3] Boswell, Terry. *Hegemony and Bifurcation Points in World History*. — *Journal of World-Systems Research*, 1995, Volume 1, Number 15.

[4] Hausken, Kjell, and Thomas Plümper. *Hegemons, Leaders and Followers: A Game-Theoretic Approach to the Postwar Dynamics of International Political Economy*. – Journal of World-Systems Research. Volume 3, Number 1, 1997.

[5] Modelski, George. *THE EVOLUTION OF GLOBAL POLITICS*. – Journal of World-Systems Research, 1995, Volume 1, Number 7.

[6] Подр. см.: *Global Labor Movements (Special Issue)*. Guest-Edited by Bradley Nash, Jr. – Journal of World-Systems Research. Volume 4, Number 1 (Winter 1998).

[7] Частично эту тему я отразил в своей книге “Россия в стратегическом капкане”, с.65–68. Полно об этой теме можно прочитать в книге Henry Tam. *Communitarianism. A New Agenda for Politics and Citizenship*. Macmillan Press Ltd, 1998.

[8] Не надо путать закон силы с определением категории силы. Ее определение см.: Алиев Р.Ш.-А. «*Мощь государства и глобальное соотношение сил*». В Государство и общество. М.: Наука, 1985.